

Календарь

Это было недавно, это было давно

«ММ» продолжает рассказ о том, какие «декабрьские» события происходили в городе и на комбинате в разные годы

Декабрь 1947 года был ознаменован сразу двумя событиями, всколыхнувшими страну «от Москвы до самых до окраин». Первым стала денежная реформа, о которой газеты сообщили шестнадцатого декабря. Но слухи о ней распространились в народе задолго до официального объявления.

Информация о деноминации и конфискации денежных средств вызвала ажиотаж. Народ заметался в попытках спасти хоть какую-

то часть своих кровных, хотя бы частично вложить деньги, которые в скором времени должны стать «фантиками». Люди со связями, заручившись согласием руководства сберкасс, за взятки стали вносить деньги на счета задним числом, причём вкладами не более трёх тысяч рублей, так как эту сумму должны были обменять один к одному. Те же, кто хранил деньги дома, при обмене получали один новый рубль за десять старых.

Рядовые граждане стремились погасить ссуды и займы, авансом заплатить, чтобы сохранить свои

средства. Некоторые начали лихо радочно менять мелочь по трамваям и автобусам: металлические деньги девальвации не подлежали. Кондукторы только успевали отсыпать сдачу.

Основная же масса рванулась к прилавкам. К вечеру в магазинах купили буквально всё. Разошёлся даже годами лежавший товар. В аптеках расхватили лекарства, смели весь запас бинтов и йода. Больше других пострадали от реформы крестьяне, которые хранили деньги в кубышках, а не в сберкассах.

Одновременно с денежной реформой были отменены карточки на продовольственные и промышленные товары. В СССР это произошло раньше, чем в других странах – участницах второй мировой войны.

Были установлены единые розничные государственные цены на товары. При этом на хлеб, муку, крупы и макароны цены были снижены на десять–двенадцать процентов; а на мясо, рыбу, жиры, сахар, соль, картофель, овощи и кондитерские изделия сохранялись на прежнем уровне.

Общепризнанным является тот факт, что денежная реформа носила принудительный и жёсткий характер. Но эти меры были вынужденными и необходимыми для восстановления послевоенной советской экономики.

Газеты в эти дни были полны заметок от рядовых горожан, которые выражали огромную радость и благодарность государству за отмену карточек и снижение цен

Например, в декабре 1947 года в «Магнитогорском металле» сталевар Мухаммед в заметке «Жить стало краше» написал: «Радостные дни переживает вся наша страна. Отменена карточная система на продовольственные и промышленные товары, укреплен советский рубль. Вместе со всей страной горячо благодарю наше родное правительство и великую партию за сталинскую заботу». Домохозяйка А. Шамина в том же «Магнитогорском металле» отзывалась на эти события заметкой «Спасибо за отеческую заботу»: «Узнав о том, что наши партия и правительство отменили карточную систему, я очень обрадовалась, но одновременно и встревожилась, – писала Шамина, – Почему-то подумалось, что при свободной продаже хлеба придётся мне первое время стоять в очередях. С этой же мыслью пошла я в магазин № 7 ОРСа комбината. Вошла и удивилась, потому что у хлебного отдела народу почти не было. «Хлеба нет», – мелькнула у меня мысль. Но все полки отдела были наполнены румяными хлебами, и довольные, радостные люди отходили от прилавка с буханками в руках».

А за три дня до наступления 1948 года были опубликованы списки победителей во Всесоюзном соревновании металлургов. Первое место присудили сортопрокатному цеху ММК, начальник Лаур, центральной электростанции комбината, начальник Абраменков, вну-

тризаводскому железнодорожному транспорту, начальник Пименов, председатель профкома Жиркин. Второе место разделили доменный цех, начальник Борисов и коксохимический, начальник Колобов.

Нынешним поколениям магнитогорцев эти фамилии мало о чём говорят. Возможно, вспомнят Александра Борисова, который после доменного цеха был назначен главным инженером, а потом и директором ММК.

О Густаве Лауре – начальнике сортопрокатного цеха – говорили, что он был резким человеком, мог осадить любого, невзирая на чины. В 1948 году в числе нескольких инженеров ММК он был удостоен Сталинской премии второй степени. В дальнейшем Лаур работал заместителем главного прокатчика комбината.

Василий Абраменков работал на ММК около сорока лет. В 1960 году был назначен заместителем главного энергетика комбината, а в феврале 1968 – переведён на работу в Министерство чёрной металлургии СССР.

Почти двадцать лет был связан с железнодорожным цехом комбината Василий Жиркин: работал токарем, диспетчером, начальником смены, начальником управления ЖДТ ММК. Но настоящим его призванием оказалась работа с людьми. Избирался он председателем профкома комбината, почти десять лет был заместителем председателя Магнитогорского горисполкома, говоря современным языком, вице-мэром. В 1972 году, когда был образован Ленинский район, Василий Михайлович стал первым председателем райисполкома, то есть главой района.

Всего 67 лет отдала судьба Валерьяну Колобову. Но прожил он их ярко и достойно. В 22 года Валерьян окончил Уральский химико-технологический институт. В 1933 году приехал в Кемерово, где восемь лет проработал на коксохимическом заводе. Потом была Магнитка, шестнадцать лет работы на ММК: главный инженер, начальник коксохимического цеха – заместитель директора ММК, секретарь парткома. В 1951 году Валериан Колобов был удостоен Сталинской премии, а в 1957 году возглавил Челябинский металлургический завод.

Таковыми событиями запомнились магнитогорцам декабрьские дни 1947–1948 годов.

Ирина Андреева, краевед

Приметы времени

Судьба поселкового храма

В конце 1920 года председатель ВЧК Дзержинский открыто заявил: «Церковь разваливается. Этому надо помочь, но никоим образом не возрождать её в обновлённой форме. Наша ставка на коммунизм, не на религию».

Наибольший размах антирелигиозное наступление получило зимой–весной 1930 года. Тогда ландшафт России обогатился новым характерным элементом – белыми скелетами полуразрушенных церквей. Необъективно делить современников тех лет на «палачей» – большевиков и «жертвы»

– верующих. Сама церковь переживала внутренний кризис и раскол. Священники вели дискуссии о религиозных догматах, и не было среди них единства. В семьях верующих отрекались от набожных родителей и близких, устраивая «комсомольские крестины» и антипасхальные кампании. Однако не

надо преуменьшать и роль государства в этих процессах.

В конце января 1930 года начальнику ОГПУ доложили, что в посёлке Магнитный обнаружены листовки антисоветского содержания с призывом сжечь Магнитострой. Райком партии сразу вынес постановление о закрытии церквей в посёлках Магнитный и Среднеуральский, мотивируя это отсутствием помещений «для хранения фуражарной и нехваткой помещений для проведения культурных работ с населением».

Специальная инструкция областной комиссии по культам предписывала: «Чтобы оформить закрытие бездействующей церкви, необходимо обсуждать на общегородских собраниях вопрос о закрытии церкви, добиваться вынесения этим собранием соответствующего решения с использованием церкви под определённые нужды. Решения собраний с личными подписями участвующих в нём граждан, что они не возражают против этого, должны быть утверждены пленумом сельсовета».

В областном архиве хранятся многостраничные и малограмотные петиции таких «не возражаю-

щих граждан», настаивающих на немедленном закрытии храма и даже отделении церкви от государства и не подозревающих, что большевики узаконили это декретом Советской власти.

Интересные факты приводит краевед Галина Гончарова. Когда зимой стали рушить церковь, станичники плакали и просили отдать иконы, но получили отказ. Серебряный иконостас разорили, иконы сложили в кучу и подожгли. Очевидцы рассказывали, что два трактора-тягача зацепили купол, дёрнули за тросы и повергли его, потом рушили Свято-Троицкую церковь чугунными болванками. Из-под куполов по стенам стекали капли меда: там оказались многолетние соты диких пчёл.

Позднее изуродованную церковь использовали под зернохранилище, затем – под клуб. В 1937 году её руины ушли под воду Урала.

В архиве хранится ещё один красноречивый документ о закрытии церквей и мечетей в 1937–1939 годах. За этот период смертельный приговор – закрыть! – вынесли 74-м культовым учреждениям области.

Валерий Ефимов, краевед